

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ВЕТРА

ГРИГОРИЙ МАРК

Городская проза

Григорий Марк

Четыре времени ветра

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

Марк Г.

Четыре времени ветра / Г. Марк — «Издательство АСТ»,
2020 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-117856-7

Сборник стихов и прозы Григория Марка, писателя-эмигранта, родившегося в Ленинграде в 1940 году, не для людей с тонкой нервной организацией, не для впечатлительной молодежи и не для убежденных патриотов. Она для тех, кто вслед за лирическим героем готов постичь «искусство вычитания живого из мертвых текстов и воспоминаний» и окунуться в темную, мрачную, полную боли, одиночества и тяжелых воспоминаний вселенную автора.

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-17-117856-7

© Марк Г., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Четыре времени ветра	6
Зима	6
Весна	8
Лето	11
Осень	13
Краткий путеводитель по Глаголандии	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Григорий Марк

Четыре времени ветра

© Текст. Марк Григорий, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ» 2020

Четыре времени ветра

*...и соберут избранных Его
от четырех ветров.*

Зима

Маленький, обозленный ветер – не ветер даже еще, а поветрие, первое поветрие наступающей стужи – зернистою изморозью стягивал растрескавшиеся губы, тугой холодной спиралью пеленал, обматывал голову. Расплющивал слезы в хрупкие пластинки, вдавливал их обратно в глаза.

Этот день был горящим ручьем в черно-белой зиме 56-го, ручьем из зажженных свечей, сливавшихся в длинное пламя.

Выходили без шапок, растерянные, потные, из темной часовенки в расплывы тусклого солнечного света, размноженного миллионом снежинок. Идти было трудно, земля выгибалась, скользила у них под ногами. И прозрачный звон качался в расщелинах неба, заросшего льдом.

Из узкого прямоугольника двери под куполом с перебитым крестом било пламя. Стекало по ступенькам, усыпанным солью с опилками. Переливалось, змеилось по угреватому от фабричной копоти насту между иероглифами хрустальных сучьев, между стершихся позолоченных слов на плоских камнях и упиралось в другой, страшный прямоугольник, обведенный жирною рамою из желтых комьев. Четверо бородатых, со сверкающими, стеклянными лысынами, стояли по углам, расставив ноги и тяжело опираясь на воткнутые в землю заступы.

Красный граненый ящик, словно кусок спрессованной крови, проплывал над горящим ручьем. У тех, что шли впереди, пылали отмороженные лица. Холод, спустившийся с неба, тонкими иглами входил в их тела, ломался в промерзших венах. Тени цеплялись друг за друга, опускались на дно, белое дыхание идущих – видимая часть притаившихся душ – висело над ними.

И нахохлившиеся грачи, веками охраняющие здесь каменные плиты, смотрели на них в упор, вцепившись в чугунные ограды трехпалыми когтистыми лапами.

Они шагали, наполненные скорбным бесчувствием, – так и будут они теперь шагать через всю мою жизнь, – с трудом отдирая от изъеденных ржавчиной решеток мгновенно примерзавшие к ним голые зрачки. Вытягивали перед собою разбухшие рукавицы, в которых бились рваные клочья огня, не дававшего света. И молчание их было как обледеневший наст, застилавший, выравнивающий землю вокруг.

Последним брел, тяжело спотыкаясь о корявые тени, торчавшие из снега, шестнадцатилетний человек в незащитно коротком драповом пальтишке. У него еще не было ни знания, ни памяти. От камней с позолоченными словами – словами, слишком большими для жизни, – шел тихий свет, и те, кто лежали под ними, опускались все глубже в холодную почву. Завывал, раскачивая пламя в руках, голосил уныло и страстно сразу со всех сторон порывистый ветер. Острыми кристалликами снежного солнца царапал щеки, обжигал, застревал хрипеньем в простуженном горле.

Тело его продолжало идти по скользкому насту, но сам он продолжал стоять неподвижно в часовенке с забитыми окнами, стиснутый многоголовою распаренною толпою. Перед взором его качались согнутые спины, но видел он лишь раздувшееся лицо с подвязанной челюстью на белом атласном изголовье. И лицо это было как сургучная печать на ящике, увитом металлической зеленью с черными лентами. Одинокая лампочка свисала на голом шнуре. И выше, по куполу, написано было над нею: «Буду плакать я перед Господом». Дремучий священник,

окруженный густою безблагодной тишиною, скороговоркой отпускает душу. Кладет в ладонь уходящему дощечку с разрешительной молитвой. Тоненькая страдальческая жилка бьется у него на шее. Серебристая тень промелькнула над только что заколоченным ящиком – и исчезла сквозь невидимую щель в куполе. Намертво зажав в кулаке свою подорожную, плывет к выходу незнакомое тело, ограненное красными досками. Плывет туда, где должно истончиться, исчезнуть все бывшее плотью.

Ручей и внутри него сгорбившийся человек в драповом пальтишке, без шапки, с волосами, поседевшими от инея, стекали в широко распахнутую дверь, обозначенную желтыми, со слюдяными прожилками комьями. Не в дверь даже, а в дверной проем, который охраняли четверо вооруженных огромными заступами стражников в замызганных ватниках с торчащими из карманов бутылками.

Над ровным, будто гашеною известью выжженным полем, над плитами, облицованными инеем, плыл воздух, хранивший форму красного ящика. Светился скол тусклого неба, наполненный оловянным солнцем. Голосил, надрывая связки, метался зигзагами ветер. И окаменелый дым из кирпичной трубы, правильной безнадежностью проткнувшей насквозь горизонт, стелился вдали над городом, над краем всего, что было.

Не могу понять, почему даже сейчас, через столько лет, мне становится так одиноко, когда вспоминаю об этом?

Весна

Шли, нагруженные бутылками, по прозрачному лесу, раздвигая густой частокол из солнечных лучей и смахивая с лица паутину. И женщина, в теле которой жил ребенок, шла вместе с ними. Вокруг шелестели березы, гордо выпячивали перед ними свои зеленые животы на запеленутых черно-белой берестою стволах. Серебристая веселая речка плавно кружилась среди белобрысых лопухов, хвошей и крапивы, обнимала блестящими излучинами валуны. И журчание речки казалось прерывистой речью – захлебывающейся речью недавно воскресшего леса.

Расположились на лужайке, окруженной кустами, у самого берега Медного озера. Его белая кромка и заросшие камышами топи были уже оплавлены утренним солнцем. На маслянисто-темной воде уютно плескались цветные пластинки. Одинокая лодка без гребца и без весел качалась в покрытом патиной купоросовом зеркале между сбившимися в тучи клочьями тьмы. Над ней, как одноглавый герб в толще балтийского неба, парил, распластав свои хищные крылья, неподвижный ворон.

Расстелили клеенку, бутылки расставили, открыли консервы. Чьи-то голые руки бросали сверкающий хворост в костер, с ворчливым кряхтеньем и оханьем ворочавшийся с боку на бок. Постреливали во все стороны красно-синие головешки. Мне они казались обугленными кусками фраз, которые я повторял про себя, пока они не сгорели и я не выбросил их в этот костер. Слышно было, как подбираются к клеенке ветвистые тени в дымных одеждах, как подминают они на своем пути белые взрывы одуванчиков, переплетенные темные запахи вереска и влажных корней.

Уселись, неторопливо раскуривая в пригоршнях предстоящее молчание. Словно чувствовали уже ту боль, которую я не успел еще причинить. Женщина, в теле которой жил ребенок, сидела рядом со мною. Жужжащий нимб мошкары проступил над ее головой. И я не мог к ней прорваться сквозь сгущавшуюся тишину.

Чувство вины и моя неуклюжая благодарность смешивались с беззаботным нетерпением перед тем, что должно наступить всего через несколько дней. Так, наверное, верующие в последний момент перед смертью, забывая о прошлом, ожидают вступления в подлинную жизнь.

Тень державного ворона проплыла по мокрой лужайке. Кусты орешника и бузины, окропленные солнечными оспинками, похрустывали вывернутыми суставами. Расправляли лениво свои набухавшие соками ветви. Гладили ветер листья-ладони. Промерзшая чернота, накопившаяся за зиму в капиллярах, трубчатых перепонках, волокнах, высветлялась, выступала наружу тугими фиолетовыми припухлостями почек. Сплошная, тяжелая зелень с прочерченными внутри ее бирюзовыми стеблями мелко тряслась. И только один ярко-красный листок на самом верху, словно орден победы над прошедшей зимой, висел неподвижно.

Метались в клевере мухи, шмели, свисали с ветвей на невидимых нитях бледно-зеленые гусеницы. В траве, разделившейся на миллионы ярких острых травинок, сворачивался крохотными радугами утренний свет, еще не успевший отделиться от тьмы. Мерцали, переливались только что рожденные в росе головастики, личинки, инфузории. Великая безмолвная оргия взаимного оплодотворения творилась в зелени.

Но женщина, в теле которой билось два сердца, ничего этого не замечала. Она сидела с граненым стаканом в руке и, не отрываясь, смотрела в костер, словно что-то очень важное сейчас в нем догорало. Отблеск пролившегося вина стекал по губам. Я подумал, что глаза ее были слишком большими для лица.

Вдруг она неслышно произнесла мое имя. Я оглянулся – и, будто тупым напильником, по душе полоснуло воспаленною нежностью только что вскрывшихся почек. Вязкая густая

тишина снова сомкнулась над моим именем, как болотная вода над камнем, идущим ко дну. И я то ли сказал, то ли подумал: «Обязательно напишу... сразу же...»

Молодой, неумный ветер – добрый дух оживших от зимней спячки кустов – носился по лужайке, перемешивал вокруг нее крошево бликов и дрожащих радуг в росистой траве. Клейкие листики, просвечивавшие пульсирующей белизною, легко касались друг друга, замирали и снова разбегались, точно играли в свои зеленые пятнашки. Наблюдали за игрой, чинно рассевшись по веткам, усатые бабочки-однодневки, синие стрекозы, шелковые мотыльки, ошалевшие от солнца. Все это надо было запомнить. До мельчайшей детали. До прозрачных, с красными прожилками, крыльев-лепестков, аккуратно сложенных кверху. Не додумывая ни единого кружка на спине у божьей коровки, неторопливо ползущей по рукаву.

Не так-то просто будет привыкать к пустыне.

Я слышал дыхание женщины, сидевшей рядом, слышал ее влажный голос, но не понимал, что она говорит. Моя пустая телесная оболочка находилась среди живых кустов и радуг, рассыпанных в солнценосной траве, на берегу мреющего в утреннем свете озера. А сам я, уже отрешившись от прожитого времени, отрешившись от тяжести тела, поднимался в прозрачные горы. Закон всемирного тяготения – так же, как и все остальные законы страны, где я раньше жил, – здесь не соблюдался. Душа во весь голос пела от счастья, хотя и немного фальшивила. За все эти годы слух у нее так и не развился, да и мелодия была слишком трудной. А слов я не знал.

Вешний ветер, взметнувшийся следом за мною с лужайки, указывал путь. И нижний край неба расступался, как Красное море. Моя тяжело дышавшая тень наливалась темнотою, становилась все короче и все уродливее, забегала вперед, пыталась о чем-то предупредить. Потом опять начинала суетиться, петляла под ногами, замирала и терлась плоским телом своим о ветер.

И вот я достиг перевала. Далеко на юге проступила в небе узкая полость, похожая на внимательно прищуренный глаз без лица, поджидавший, когда я его наконец-то замечу. Потом вздрогнули жгуты свалывшихся туч и разлепились огромные веки. Медленно выгнулась синяя кайма зрачка, и в зенице небесного ока я увидел сквозь воздух, струящийся от жары, двухэтажные домики с плоскими крышами, огражденные низкими красными кустарниками, пологие купола, холмы, просвечивающие сквозь друг друга, и за ними пустыню, сияющую миллионом зернышек света, – голое тело обетованной земли. И время пошло. Медленно, как нигде, но пошло. Моя судьба начинала сбываться.

...достигнув перевала, продолжай восхождение... к себе, от земли своей, от друзей своих, от дома своего... в пустыне пути приготовьте...

Еще одна размытая длинная тень, незаметно выросшая за спиною, упрямо цеплялась за камни и тянула назад.

Небесный зрачок подмигнул неожиданно мне, как будто сообщнику, – потерпи еще несколько дней – и снова стал мутным, подернулся красною пылью. Горячий рассыпчатый свет пустыни сталкивался с обманным блеском Медного озера. Столб из двух перевитых свечений поднимал стремительно и бесшумно позолоченные тучи, сгрудившиеся над перевалом, расплющивал их по низкому небу. Светлый купол выгнутых туч, очерченный со всех сторон горизонтом, расширялся. И все, что я видел внутри, теперь было связано ритмом, ритмом дыхания и слов, ускользящим и возникающим снова, прерывистым ритмом, стучавшим в моей голове.

Перед тем как уйти, вытер тыльной стороною ладони струившийся пот и заставил себя оглянуться. Весь оком разделился на половины. В одной колыхалось от края до края расплывшейся акварелью зеленое листвие, перерезанное сияньем берез и, внутри него, плавно

изогнутой речкой, всю другую половину заполнило Медное озеро. И лодка, как прежде, плыла в рябом купоросовом зеркале.

И там, где листовые изгибами сливалось с кромкой воды, проступила знакомая мне лужайка. На ней путеводный ветер, успевший уже протянуться сквозь обе мои непрожитые жизни, кусочек огня оторвал от костра и чиркнул им по траве. Осветились кусты, грозно шевелившиеся всеми своими ветвями. Теперь они были похожи на косматых зверей со вздыбленной шерстью, стоящих, опустив головы, на задних лапах за спинами моих друзей. Взметнулись мертвые запахи сигаретного дыма, чьи-то приглушенные голоса, отблески изумрудных бутылок. Оживить их не удавалось. Я был далеко.

От ветра глаза стали слезиться, и я наконец разглядел – сквозь слезы всегда виднее – среди расплывавшихся неопалимых кустов красно-белый квадратик клеенки, себя, свое одиночество, которое, точно побитая собака, крутилось рядом, заглядывая в глаза мне, и всех своих близких – даже тех, кого не было с нами тогда, – с поднятыми стаканами в руках.

Лиц их уже было не разобрать. Но я знал, что сейчас они справляют поминки. Поминки по мне. И свет понемногу уходил.

Женщина с искрящимся нимбом мошкары над головой сидела отдельно, обхватив руками лицо. И я знал, что большеголовый ребенок, которого никогда не увижу, растет в ее теле.

Лето

Сизое пятно, проступившее прямо над луною, стремительно разрасталось, темнело, превращалось из безобидной тучи в распростертые крылья черного архангела. Крылья вздымались и опускались снова, разгоняли в асфальте расплюснутые вееры горячих пальмовых теней, все плотней накрывали своим серебристым исподом город, застывший в изнеможении от духоты.

Ветер к земле прижимал налитую грозным шуршанием плоскую крышу. До блеска вылизывал сотней шершавых своих языков. Бормотал заклинанья, обсасывал, одну за другою, каждую из мерцавших антенн. Тщательно, чтоб ни единой частицы грязи, принятой из эфира, на них не осталось, вытирал обрывками мокрых газет. И осипшие птицы воздуха, раскрыв свои длинные клювы, носились между хлопающими газетными листами.

Светопреставление началось ветвящимся спазмом в груди архангела, во взлохмаченной завязи между сросшихся крыльев. Небосвод раскололся беззвучно на две неравные части, и молниеносная трещина впиалась острым концом в далекие болота.

Белая волна света хлынула в комнату и окатила меня с головой. Стена за спиною колыхалась, как занавеска от ветра.

Раскрыл окно и глубоко, до головокружения затянулся ветром. Пузырьки озноба поднялись откуда-то из глубины. Плотный мрак, окружавший дом, распался на куски. Под огромною аркою из крыльев архангела тянулись, насколько хватало глаз, цепочки аккуратно лоснящихся кубиков, прорезанных мигающими огоньками, двойным свечением фосфора и антрацита.

Я стоял, высунувшись в окно, в самом центре вселенной, наполненной блестящею чёрной водою. Дышать было трудно, кровь гулко стучала в висках. Воздух был разреженным, будто трещина в небе втянула в себя его бо́льшую часть. Звнящая легкость медленно разливалась внутри, омывая, разглаживая засохшие пролежни на душе. Но в легкости этой таилась опасность. Последнюю неделю я провел в спячке на берегу океана среди других тел, бессмысленно созревавших, как уродливые плоды, на солнце, и моя новая очищенная душа ничем еще не была защищена.

Раздался оглушительный треск, и голова вдруг заполнилась грохотом. Он крутился из стороны в сторону, наталкивался на стенки, отражался от них, становился сильнее и сильнее. И, когда невозможно уже было выдержать, прорвал барабанные перепонки и вырвался наружу. Теперь он заполнял собою весь небосвод, накренившийся под тяжестью воды куда-то к югу. Казалось, исполинский каток расправлял, выравнивал над отвесным шуршанием ливня потрескавшуюся твердь. Грохот наконец обвалился за край горизонта. Сияющий цветной дождь повис на секунду, не достигая земли, – и сразу же, расправив крылья, рухнуло на серебристый город, накрыло его собою влажное тело архангела.

...сильнее вод многих, сильнее волн морских...

Ожили по углам дома водосточные трубы. Залитая водою крыша – вознесенный высоко над землею квадрат океана – стояла на четырех урчащих водопадах. И антенны, усеянные зеленым электричеством, торчали из грязной бушующей пены мачтами кораблей, потерпевших крушение.

А за окном прорастали беззвучно сквозь мутную пленку дождя острые листья взъерошенных пальм, извилистые мазки кипарисов. Переливающаяся черными отблесками вода выгибала линии улиц, контуры крыш, узкие вскрики зияющих колоколен, их вывалившиеся наружу языки.

Опять загрохотал каток в растрескавшемся небосводе. И в окоём, ограненный окном, поползли появившиеся из темноты каменные чудовища одноэтажных зданий. Они надвигались

со всех четырех сторон, медленно и неумолимо, под drobный стук деревянных капель. Желтый свет разгорался в окнах все ярче. Шли они боком, словно черные ледоколы, выставив смертоносные, отполированные ливнем углы и расплющивая чавкающее месиво травы, распаренных молочных плафонов, асфальта и лунных стеблей. Острые полосатые навесы над дверьми торчали по сторонам. Потоки воды, не касаясь, огибали сухие темные крыши, словно само пространство вокруг них было изогнуто. Закрученный в спирали пар струился из лихо заломленных труб. И птицы воздуха, прилетевшие по мою душу, с карканьем кружились над ними.

Чистый и пустой, ставший вдруг намного старше себя самого, стоял я в блестящей кольчуге из чешуйчатых отблесков, расставив ноги и перегнувшись пополам над подоконником. Миллионами маленьких сосущих ртов хрипел, задыхался вокруг студенистый ливень.

Мокрая, шевелящаяся темь перехлестывала через окно, стекала за шиворот. Под стук деревянных капель – или это сердце мое так стучало? – невидимые водопады, готовясь к атаке, утробно урчали в железных трубах. Указательный палец нажимал, как на взведенный курок, на щеколду оконной рамы. Кусок сверкающей ливневой пелены удушливым целлофаном плотно прилип к лицу. Прорези для глаз и рта были слишком узкими. Любое движение шорохом отдавалось в затылке.

Я был одним из стоявших у открытых окон. И не было конца светопреставлению в переполненной влагой вселенной. Ослепительные трещины вспыхивали теперь со всех сторон. Небо с грохотом раскалывалось на огромные куски и сразу срасталось снова в невидимый купол. Поднимались в воздух деревья, запрокидывали назад свои кроны и плавно опускались. Медленные волны шли под землю, и поплавки машин покачивались на них. Вздывались, лопались нарывы в асфальте. Бурлящая вода уносила грязь и гной великого города в преисподнюю сквозь щели в сверкающих люках. Распрямить указательный палец, о который с брызгами разбивалась сейчас холодная вода, никак не удавалось. И страшно гудел кондиционер за спиной.

Когда небесные вспышки ослепляли здания, медленно и неумолимо приближавшиеся ко мне на подземных волнах, те замирали и таращились, не мигая, своими воспаленными, остекленевшими глазами. Но, как только тьма возвращалась, они оживали и снова, словно пена, вскипали их белые тени. Наполненное сырою известкой дыхание смешивалось с дождем. Алой желчью с еле сдерживаемым бешенством полоскался в незрячих квадратных зрачках электрический свет. Внутри неподвижно стояли плоские люди, похожие на фанерные мишени, которые выставляют возле горящих факелов на ночных стрельбищах. Когда учат убивать... И они ждали...

Терпеливо ждали, что переполненная мертвой водой и сиянием крыша обрушится и раздавит нас всех наконец.

Осень

Всего одна легко взбегающая по холмам тропинка, в которой еще остались галька и песок от недавно ушедшей воды, ведет в этот лес сквозь шуршанье багровых и желтых листьев, сквозь тонкий писк счастливых комаров, празднующих свое последнее солнце, сквозь терпкий настой из хвои с костяникой, влажного валежника, пожухлых грибниц и коры, накопившихся в теплых воздушных ямах.

После тропинки начинается тонкотканый ковер из бледно-зеленого мха с прорехами ноздреватых валунов, непрерывно меняющих окраску. Ковер словно пол распаханного храма деревьев, созданных по образу и подобию Древа Жизни.

Сияющий ветер готовит лес к последней осенней службе. Узоры из светотеней тщательно к валунам подбирает. Выстилает их лучшими листьями с иконной сквозной позолотой, переложенными сосновыми иголками, чтобы ног не поранил входящий. Гудит вдохновенно в облепленных солнцем и плесенью длинных волокнах, в трубах-стволах уходящего в небо органа. Водит по выгнутым веткам тонкими прутьями – будто янтарной смолой натертыми струнами темного света. И в вышних пробует их звучание, многоголосое их согласие...

Теплый воздух промыт очень слабым раствором из уксуса и марганцовки. Отовсюду торчат переломанные лучи, единственные прямые – да и те не здешнего, но солнечного происхождения – в этом мире плавных, струящихся линий. Ни одной мертвой вещи, сделанной людьми. Мерцают в засохшей густой паутине одинокие капли дождя. С морщинистой кожи столетних деревьев отодраны краски, чтобы не дребезжала обшивка органных труб, чтобы каждый ствол, когда войдет в него ветер, начальник хора деревьев, издавал в чистоте тела свой выверенный и только ему присущий звук. И внизу, у подножия их извиваются, корчатся между корявых коряг цветные струпья коры и пятна света, придавленные тенями.

Слышно, как время течет, оставляя в лице у тебя промоины длинных морщин, намечая пути для будущих слез. Ведь и ты когда-нибудь тоже научишься плакать. Неспешное, прозрачное время осеннего леса, в себя вобравшее все времена. Слышно, как в нем проступает знакомый прерывистый ритм, и не ритм даже, а многоголосая лесная полиритмия. Как низкое небо скользит по глазам, и обеззвученная музыка кружащихся, умирающих листьев вплетается в стройный хор сосен, в надсадное голошенье осин, в трепетанья и жалобы огненных кленов и лип, лепечущих всхлипы.

Высветляется лес. Выветриваются из него последние запахи летней гнили, пожухшей коры. Стволы сияют, будто в преображении. Тысячью протянутых во все стороны рук цепляются побеги и стебли за ветер, раскачиваются, прижимают к себе охапки пылающих листьев. Шелестящие перешептывания шныряют в осиянных высоких кронах, перескакивают с одной на другую, и синюю кровью смерти взбухают твердые жилы веток. Холод уже отложил личинки в раны поломанных сучьев. Под ними волосатые, мощные корни растут, словно кусты, перевернутые ветвями вниз. Пожирая сгнившие в удобрения прошлогодние листья, вползают беззвучно в черную почву. Срастаются в белый фундамент, в упругое скорние бревенчатого, выветренного храма.

Одиночеством, старческим одиночеством наполняются души деревьев. Ожиданьем минуты, когда зазвучат наконец-то органные трубы воздыханьем-мольбою мятущейся плоти – косноязычным молением о сохранении жизни, о воскресении мертвых животных, цветов и растений. Щемящая нищета и беззащитность оставшихся один на один с наступающим холодом. Ведь те, кто умер, валяются здесь же с трухлявыми уже корнями, вывернутыми наружу. И нет у них возраста. Не только храм, но и кладбище.

...чтобы смертное поглотилось живым... ибо землю наследуют слабые... ведь еще ненадолго есть с нами свет...

Входить туда надо вдвоем. Всем телом вслушиваясь в текущий по ярко-синему куполу распев несметных ветвей, побегов, стволов и лучей, соединенных ветром. Входить осторожно, чтоб не спугнуть серебристого ужа, греющегося всегда на одном и том же камне, или молодого, безрогого еще оленя, который, тычась мордую в запахи, ищет в лощине еду среди бурого мха и посматривает на тебя с недоумением. Не раздавить ручеек коричнево-красных тонконогих муравьев под твоею ступнею. Ведь народ в лесу нашем очень пугливый, и вместе мы прячемся здесь от чужих. Но если ты с ними, то ни одна, даже самая дикая ветка не хлестнет тебя по лицу, ни один, даже самый зловредный сучок не расцарапает твоей щеки. Выше нас деревья возносятся к небу, глубже в землю они проросли. И зла не делают они никому.

Потом – когда разговор наших тел перейдет наконец-то на сбивчивый шепот, когда он опять распадется на два благодарных и утоленных молчанья, когда печальной станет твоя душа – лежать на спине во мху, пропитанном любовью, понемногу пробуждаясь от яви. Отгонять комаров, слушать ветер. Наблюдать, как он пригибает кусты, как он их склоняет к смирению. Засыпать, поглощая раскинутыми ладонями солнце, просыпаться снова. Улыбаться блаженно и осовело сообщницам-веткам, укрывавшим от солнца и все время подсматривавшим за нами.

Лес, куда ты опять погружаешься, засыпая, неотличим от этого леса. По обе стороны сна, насколько хватает глаз, моховой ковер испещрен очень сложными, нигде не повторяющимися украшениями, сплетенными знаками леса – мерцающими киноварью бусинками костяники и волчьей ягоды, неровными стежками рыжих сосновых иголок, маленькими круглыми зеркальцами черной, с алыми разводами воды, чуть подернутой девственной гнилью.

Твой взгляд поднимается вверх, блуждает в толпе голенастых деревьев. В самом центре неба нестерпимо пылает солнце. Из закрученных вокруг него облаков выходят шесть лучей – золотые ребра, скрепляющие купол.

Гудит нетерпеливо перед началом живой литургии деревянный орган. Из земли, из белого скорняка леса по стволам поднимаются первые звуки, выходят наружу сквозь мощные раструбы крон. Налет сна с них понемногу сходит – ты проснулся, но это еще не ты. Янтарных прутьев косые линейки плывут – уже наяву – по натянутым веткам, плавно изогнутым на концах, будто грифы со сломанными колкками. И льется со всех сторон спеленутый в молитву тихий распев раскачивающихся деревьев, теряющих листья, впадающих в забытие. Молитву об ангеле леса, который к ним спустится с вестью благой.

И ты становишься лучше, когда слышишь его.

Стебли срывают с себя прилипшие листья, словно грязные бинты с кожи. Выгибаются костлявые руки веток, тянутся к небесному своду. Обступают тебя и начинают кружиться. И вся твоя жизнь, все дни, проведенные здесь, в лесу, вплетаются в древокружение, в летящее столпотворение скользких стволов и лохмотьев желтого света, свисающего между ними. Кружатся вокруг солнца, как крылья огромной стеклянной мельницы, шесть главных его лучей; кружится весь храм вместе с многоярусными ярко вычерченными облаками, сползающими медленно на край купола, на хвойную гряду горизонта.

Отворачиваешься, закрываешь плотнее глаза, открываешь их снова. И, застигнув себя врасплох, во внезапно ожившей яви, в самом центре ее, видишь новое небо и новую землю. Которых на самом деле, может, и нет. Но это неважно. Просто надо поверить, и сразу увидишь. Завораживающий блеск исходит теперь от светлоногих деревьев, возвратившихся уже на свои места. Контур веток, словно прочерченные синими чернилами, легко подрагивают. Длинные линии сломанных скрюченных сучьев похожи на зеленеющие от солнца буквы иврита в прозрачном свитке, который натянут между стволами, чтобы все могли следить за молитвой во время службы.

Одна, как видно, совсем уж с ума сошедшая от безысходности, горбатая липа вдруг неслышно выходит из толпы и приближается почти вплотную. Всхлипывает, рвет на себе скукоженные, выгоревшие от солнца висюльки, растрепанные воронья гнезда. Потом, выпростав

из косматой трясущейся кроны корявую ветку, отчаянно и бесстыдно задирает подол темно-шафранового поредевшего рубища. Через голову, с хрустом выворачивает его наизнанку, обнажая все худосочное незагорелое тело, покрытое оспами, и застывает, словно сведенная судорогой. Смотри, мне терять уже нечего!

И сыплются, сыплются стаи аспидно-черных ворон из-под задранного подола. Разинув застывшие клювы, носятся над твоей головой. Будто сотней раскрытых ножниц беззвучно кроят из тугой синевы для ветра новое платье. Иногда, точно подстреленная твоим взглядом, одна из небесных закройщиц стремительно падает, но в последний момент, уже почти коснувшись тебя крылом, вдруг снова взмывает и продолжает свое слепое кружение.

В слоистых запахах леса проступает чуть-чуть прогорклый, царапающий запах засохшей хвои, свечей и гнилых мандаринов. Откуда, из-под какой новогодней елки твоего военного детства принес его сюда вездесущий ветер? Или у запахов, как у икон, тоже своя обратная перспектива, и чем ближе к детству – тем слышнее они? И память дольше у них?

Сон опять незаметно меняется с явью местами, но для тебя по-старому все остается, ведь ты безнадежно застрял между ними. Тускнеет так умело подобранная пестрота мохового ковра. Смыкаются листья над твоей головой. Верхушки деревьев теперь протыкают насквозь огромное низкое солнце, уже освободившееся от облаков. Бесформенные груды горящего золота громоздятся над ними. Лучистый купол нерукотворного храма пригнулся к земле, еще больше отделяя тех, кто внутри, от остального мира.

На самом краю окоёма видна год назад еще удочеренная веточка с нашим сдвоенным именем. Сейчас и узнать ее трудно. Исхудала, осунулась, совсем почернела. Серебристо-зеленое платье испачкано бурыми пятнами, следами ночных заморозков. Задубела тонкая кожа, коростой покрылась. Разбухшие суставы торчат во все стороны. Но в длинном сердце, в тугих молодых волокнах еще сохранился поющий остаток тепла. Только хватит ли на целую зиму? За близких особенно страшно. И, словно чтобы нас успокоить, она взлетает, легко и привычно водит танцующей тенью по лицу.

Темный солнечный зайчик щекочет набухшие веки. Облетает листва. Облепляет лицо листопад. Ты слушаешь – почтительно и отрешенно, – как осеннее время твоей жизни сливается с голосом ветра, вставленным в раму из трепетных шорохов и вздыханий; как по секунде, по маленькой капле прозрачной зелени стекает оно сквозь мох в кромешную тьму. И бережно складываешь услышанные слова. Одно к одному. Чтоб помогали, поддерживали друг друга, когда с первой звездой придется звучать им. Ни единою буквою не сфальшивить, ни одной запятой неверной не нарушить их прерывистый пульс, их уже истончившийся ритм. Свидетельство о заброшенном соборе деревьев, пронизанном заходящим солнцем, о кружащихся внутри его листьях, соединенных, как слово и слово, в огромную молитву леса, о дряхлеющей плоти, источенной короедами, и о наполненном бормотанием одиночестве. Может, кто-нибудь после нас...

Высокое беспокойство теперь наполняет тебя. Почти истекло уже время. Надо спешить. Не вставая с земли, начинаешь шарить вокруг. Среди ржавых сосновых иголок и разбухших струпов коры нащупываешь наконец-то косые лучи, торчащие рядом в дремотой пропитанном мху. Осторожно на прочность их пробуешь. Потом выдергиваешь, наматываешь на кулак. Минуту смотришь – уже не глазами, но через глаза – в нависшие ветки. Узнаешь по движению извивающихся листьев, что ветер совсем рядом. И тогда рывком себя поднимаешь к небу. Ошеломленную душу, как воздушный змей, привязанный к телу прочными нитями, подхватывает ветер – Божий ветер, веющий уже не только в пространстве, но и во времени, – и носится, носится душа перед началом службы Судного дня, не находя себе места под куполом леса. Леса, из которого мы никогда не выйдем.

Ты успеваешь еще разглядеть сквозь приоткрытую щель между явью и сном нас обоих внизу. Последнее, что удастся запомнить.

Конечно, сейчас всего этого не существует. Да, наверно, и раньше не существовало. Но я записал свои воспоминания о четырех временах ветра в надежде, что будет дано мне их увидеть когда-нибудь снова. И можно будет сравнить.

Март – август, 2012

Краткий путеводитель по Глаголандии

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Государство Глаголандия расположено на обширной плоской равнине между Родной Речкой и окружающими страну скалистыми синими горами. Горы эти на старинных глаголандских картах обозначались как Горы Непроизносимого.

Сложная система каналов расходится от Речки. Всё, что прорастает в стране, питается её живительной влагой.

По-над Речкою кружатся алчно в клубах густого, горячего пара иссиня-серые сирины и алые алконосты. Их хищные тени со свистом тяжёлыми крыльями разрезают белую мякоть.

Никогда не смолкающий шум глубинной просодии и эвфонии, мощные потоки льющихся гласных, где, наталкиваясь на ударения и рассыпаясь тысячами цветных брызг, мечутся беспомощные фонемы и скользкие тоны, слышны отсюда по всей стране.

На другом берегу до самого горизонта тянутся Праязыковые Болота, в которых всё время рождается новая и безъязыкая жизнь. Влажные, бессмысленные звуки засасывают тех, кто туда попадают.

Вдоль набережной каменный парапет, поросший плесенью, пунктирная линия луж, скамеек и скульптур тридцати трёх детей кириллицы.

Малоодушевлённые глаголы (совсем неодушевлённых в стране нет) втуне, всуе и вотще накапливают здесь духовный опыт, рассматривают блестящих речных гадов и электрических рыб в потоке. Задумчиво помешивают остриями зонтов свои отражения в морщинистых зеркальцах луж, буриданствуя о природе Глаголандии и о свободе выбора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.